

S T U D I A H I S T O R I C A

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ КНИГИ И ЧТЕНИЯ

А. В. Кузьмин

НА ПУТИ В МОСКВУ

Очерки генеалогии
военно-служилой знати
Северо-Восточной Руси
в XIII — середине XV в.

ТОМ II

РУКОПИСНЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ
МОСКВА 2015

УДК 94(47)
ББК 63.3
К 89

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культуры России (2012—2018 годы)»*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ
в рамках проекта проведения научных исследований: «“Свои” и “чужие”:
феномен пограничья в средние века и раннее новое время
в Восточной Европе как фактор формирования социо- и этнокультурной
идентичности населения регионов», проект 15-21-01003 а(м)*

Кузьмин А. В.

К 89 На пути в Москву: очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII — середине XV в. Т. II. — М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2015. — 452 с., илл. — (Studia historica).

ISBN 978-5-9905759-7-4

Второй том книги ведущего научного сотрудника НИО книги и чтения ФГБУ «Российская государственная библиотека» А. В. Кузьмина продолжает исследование такой малоизученной в современной историографии проблемы как генеалогия военно-служилой знати Северо-Восточной Руси XIII — первой половины XV в. Привлекая широкий круг письменных и материальных источников XIV—XVIII вв., автор анализирует эволюцию родовой памяти различных военно-служилых фамилий, происходивших из числа столичной и региональной элиты Северо-Восточной Руси и сопредельных с ней земель. Реконструируется персональный состав и генеалогия княжеских и боярских родов, находившихся на службе у московских великих и удельных князей, митрополитов Киевских и всея Руси. Выясняются причины изменения родовой памяти служилой знати в конце XV—XVII вв., которая под влиянием различных политических и культурных процессов по-своему объясняла время, обстоятельства и перехода знатных лиц на службу в Москву. Большое внимание уделяется группе фамилий, действительных и мнимых потомков выходцев «из Орды».

В настоящем исследовании впервые определяются либо значительно уточняются происхождение, персональный состав, семейные связи между представителями военно-служилых фамилий и русского духовенства, традиции поминания ими своих предков.

Для специалистов-историков, источниковедов и генеалогов, а также широкого круга читателей, интересующихся историей нашего отечества.

**УДК 94(47)
ББК 63.3**

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

© А. В. Кузьмин, 2015

© В. Н. Темушев (наследники), карты, 2015

© Рукописные памятники Древней Руси, 2015

ISBN 978-5-9905759-7-4

*Посвящается памяти моего отца
Валентина Степановича Кузьмина
(3[10]08.1948—23.03.2015)*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 4.	Боярство и военно-служилый двор митрополитов всея Руси	9
§ 4.	Митрополичий служилый двор в первой половине XIV в.	—
§ 4.1.	Служилый двор при митрополите Феогносте	13
§ 4.2.	Служилый двор митрополитов Алексея и Михаила (Митяя).....	15
§ 4.3.	Служилый двор при митрополите Пимене	23
§ 4.3.1.	Азаковы	25
§ 4.3.2.	Кусковы	29
§ 4.3.3.	Толмач Буило	33
§ 4.3.4.	Коробьины.....	34
§ 4.3.5.	Бармины	38
§ 4.4.	Служилый двор при митрополитах Киприане и Фотии	39
§ 4.4.1.	Стольники митрополита Киприана	40
§ 4.4.2.	Ослебятевы.....	52
§ 4.4.3.	Пересветовы.....	61
§ 4.4.4.	Афинеевы	82
§ 4.4.5.	Бяконтovy.....	88
§ 4.4.6.	Юрьевы.....	92
§ 4.4.7.	Демьян Райкович	94
§ 4.4.8.	Раевы.....	95
§ 4.4.9.	Биреевы	96
§ 4.4.10.	Протопопины	98
Глава 5.	Формирование удельного боярства в Московском великом княжестве (на примере Можайского удела в конце XIII — начале XV в.)	107
§ 5.	Можайская земля в XII — первой трети XIII в.	—
§ 5.1.	Князья Можайские и их потомки в XIII—XIV вв.	110
§ 5.2.	Московское боярство в Можайском княжестве	134
§ 5.2.1.	Хоробровы.....	—
§ 5.2.2.	Вельяминовы и Воронцовы.....	136

§ 5.2.3.	Валуевы.....	148
§ 5.2.4.	Новосильцовы.....	158
§ 5.3.	Служилый двор в Можайском уделе	165
§ 5.3.1.	Князя Белозерские и Согорские.....	167
§ 5.3.2.	Отяевы-Хвостовы и их однородцы.....	177
Глава 6.	Происхождение выходцев «изъ Орды» (на примере служилых людей Московского великого княжества).....	195
§ 6.	Места службы ордынцев в Восточной Европе в XIII—XIV вв.	—
§ 6.1.	Причины перехода ордынцев на службу в Северо-Восточную Русь	197
§ 6.2.	Ордынцы в родословных источниках XVI—XIX вв.	207
§ 6.3	Историография вопроса.....	209
§ 6.4.	Крещенные ордынцы на службе в Москве	214
§ 6.4.1.	Телебугины.....	—
§ 6.4.2.	Мячковы	217
§ 6.4.3.	Серкизовы и Старковы.....	236
§ 6.4.4.	Аракчеевы	246
§ 6.4.5.	Баскаковы, Гавриловы, Зубовы и Таратины	247
§ 6.4.6.	Кочевины и Поливановы	251
§ 6.4.7.	Хлоповы	266
§ 6.4.8.	Аминевы.....	277
Заключение.....		287
Список сокращений.....		293
Список источников и литературы.....		299

ГЛАВА IV

Боярство и военно-служилый двор митрополитов всея Руси

§ 4. МИТРОПОЛИЧИЙ СЛУЖИЛЫЙ ДВОР В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIV в. Среди малоизученных тем в современной историографии остается история создания служилого двора и думы митрополитов всея Руси, а также генеалогия и родственные связи их представителей в XIV — середине XV в.¹ Фрагментарная источниковая база, практически полное отсутствие сведений по южным регионам страны сильно осложняют исследовательский процесс². По мнению Л. В. Черепнина,

...если мы составим список вассалов кафедры XV в. по данным митрополичьего хартулария и сопоставим этот список с дошедшей до нас «Записной книгой земельных дач» митрополичьим и патриаршим детям боярским XVI—XVII вв., то убедимся, что некоторые роды связаны с митрополичьим домом потомственными служебными отношениями на протяжении двух, а иногда и трех столетий. Таковы Внуковы, Григоровы, Деревлевы, Елдегины, Кобылины, Косаговы, Кузьмины, Мануйловы, Матовы, Мокшеевы, Некрасовы, Новиковы, Парфеньевы, Патрикеевы, Рагозины, Рожновы, Сахарусовы, Соболевы, Сурмины, Тургеневы, Тироновы, Филипповы, Чулковы, Якшиловы... Фомины и Чертовы и пр.³

Сложившуюся ситуацию с отрывочностью сохранившихся источников при изучении формирования, персонального состава и генеалогии членов митрополичьего военно-служилого двора за XIV—XVI вв. также отметил С. Б. Веселовский. Исследователь внес значительный вклад в изучение данной проблемы по сравнению с локальными наблюдениями своих предшественников⁴. Тем не менее С. Б. Веселовский был вынуж-

¹ *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. Т. 1. Ч. 2.

² [*Черепнин Л. В.*] Введение // АФЗХ. 1951. Ч. 1. С. 3—10; *Плигузов А. И.* Изучение архива московской митрополии XIV — первой трети XVI в. и задачи настоящего издания // РФА. М., 1986. Ч. 1. С. 3—50; *Кричевский Б. В.* Митрополичья власть в средневековой Руси (XIV в.). СПб., 2003. С. 20—35.

³ *Черепнин Л. В.* Из истории древнерусских феодальных отношений XIV—XVI вв. // ИЗ. 1940. Т. 9. С. 58.

⁴ *Горчаков М. [И.]* О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и святейшего Синода (988—1738). СПб., 1871; *Каттерев Н. Ф.* Светские архиерейские

ден заключить, что он не может «установить связь этого двора с первоначальным его составом при первых митрополитах»⁵. Эта задача не решена и по сей день⁶.

Очевидно, что в историографии недостаточная изученность генеалогии и персонального состава служилого двора митрополитов всея Руси сложилась по двум основным причинам: 1) физическая утрата большинства подлинных документов митрополичьего архива XIV—XV в.⁷; 2) неполное выявление и введение в научный оборот сохранившихся письменных источников генеалогического характера (XV—XVIII вв.) по данной проблеме.

В связи с отсутствием во второй половине XIII — середине XV в. постоянной летописной работы в Среднем Поднепровье и переносе де-факто кафедры из Киева в пределы Северо-Восточной Руси история митрополичьих служилых людей и их генеалогия известна выборочно. Согласно сохранившимся источникам, регулярные сведения фиксируются лишь с первой трети XIV в.

Наиболее подробно о составе служилых людей русских митрополитов в конце 20-х — начале 30-х гг. XIV в. свидетельствуют записи в Ватиканском кодексе № 840 на л. 243—243 об. Некогда он принадлежал митрополиту Феогносту († 11 III 1353)⁸. Записи, являющиеся переводом с древнерусских источников, в этом кодексе были сделаны в первой половине XIV в. несколькими почерками на греческом языке⁹. О более раннем периоде службы митрополичьих слуг известно лишь то, что в 1299 г. от «Татарского насилия» из Киева бежал митрополит Максим. Он от-

чиновники в древней Руси. М., 1874; ср.: *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. Ч. 1—2; *Тихомиров М. Н.* Средневековая Москва в XIV—XV вв. М., 1957. С. 179—194.

⁵ *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. Ч. 2. С. 423.

⁶ *Russ H.* Herren und Diener: Die soziale und politische Mentalität des russischen Adels, 9—17 Jahrhundert. Köln; Weimar; Wien, 1994. S. 88.

⁷ Так, например, по наблюдениям В.А. Кучкина, «древнейшая часть митрополичьего архива была утрачена довольно рано, по-видимому, в конце XVI — начале XVII в. Во всяком случае, в описях патриаршей казны 1634 и 1658 гг. уже не упоминается ни одного подлинного акта, относящегося ко времени до XVI в.» (*Кучкин В. А.* Волго-Окское междуречье и Нижний Новгород в средние века. Н. Новгород, 2011. С. 220).

⁸ Об этом, например, см.: *Васильевский В. [Г.]* Записи о поставлении русских епископов при митрополите Феогносте в Ватиканском греческом сборнике // ЖМНП. Ч. 255. 1888. № 2. Отд. 2. С. 445—463; *А. М.* [Рес.] // КН. 1888. Т. 2. С. 454—455; *Присёлков М. [Д.]*, *Фасмер М. [Р.]* Отрывки В. Н. Бенешевича по истории русской церкви XIV в. // ИОРЯС АН, 1916 г. 1916. Т. 21. Кн. 1. С. 48—70; *Фонкич Б. Л.* Греческо-русские культурные связи в XV—XVII вв. М., 1977. С. 13—14; и др.

⁹ Историографию вопроса подробнее см.: *Фонкич Б. Л.* Палеографические заметки о греческих рукописях итальянских библиотек // ВО. 1982. С. 254—262; и др.

правился «в Суждальскую землю и со всемъ своимъ житьемъ»¹⁰. В город Владимир, расположенный на р. Клязьма, митрополит пришел «со всемъ клиросомъ своимъ, месяца априля въ 18»¹¹. Местный епископ Семен был переведен на более важную Ростовскую кафедру. Таким образом, действовавшее каноническое право было полностью соблюдено. В конце апреля 1299 г. Владимир стал фактической столицей православной Руси¹². При этом Киев начал играть роль второй резиденции митрополита Максима и его преемников¹³. В Среднем Поднепровье для ее функционирования и управления митрополичьим хозяйством сохранялся определенный штат слуг. Ведь еще до 1240 г. один лишь «митрополичий двор (в Киеве. — А. К.) занимал площадь около 3,5 га»¹⁴.

Во Владимир вместе с митрополитом Максимом, вероятно, должна была переехать и основная часть служивших ему людей. Об этом косвенно становится известно в год его смерти. Максим скончался 16 XII 1305 г.¹⁵ В ранней редакции Жития его преемника митрополита Петра отмечается: «И преставльшуся Максиму митрополиту, и дръзну Геронтеи игумень прияти санъ святительскыи. *И возма* ризницу и рипидию, и многыя иконы, и *сановники* (курсив мой. — А. К.), яко же подобаеть

¹⁰ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. М., 1997. Стб. 485. Л. 171 об. — 172. Очевидно, что к этому тяжелому периоду в истории средневекового Киева относится появление граффито № 387, обнаруженное археологами «в переходе из южной апсиды в главный алтарь на западной стене» Кирилловской церкви. Это граффито содержит благожелательную надпись с обращением к Богу защитить поповича Стефана «от рати Евп[ы]ана». С. А. Высоцкий («на основании палеографических признаков надписи») предлагал датировать ее «концом XIII — началом XIV вв.», а последнее имя в тексте — раскрывать как от «Евсиана (?)» (*Высоцкий С. А. Киевские граффити XI—XVII вв. Киев, 1985. № 387. С. 93—94*). Правда, при этом исследователь совершенно не учитывал другие варианты прочтения записи. Более взвешен подход А. А. Турилова, который считает, что третья строка надписи «не содержит фантастического окончания слова **попо[вн]чею**, в ней читается (без конца) только имя **Еоустратив[и?]** (Евстратий или Евстратиеву)» (*Турилов А. А. Заметки о киевских граффити // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 2000. С. 55—56*). Таким образом, известие о рати следует считать недостаточным.

¹¹ Упоминание клирошан свидетельствует о продолжении развития византийских традиций в структуре организации церкви в Древней Руси. Об изменении служебных функций клирошан на протяжении XII—XV вв. подробнее см.: *Щанов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X—XIII вв. М., 1989. С. 124—131*.

¹² Упоминание клирошан свидетельствует о продолжении развития византийских традиций в структуре организации церкви в Древней Руси. Об изменении служебных функций клирошан на протяжении XII—XV вв. подробнее см.: *Щанов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X—XIII вв. М., 1989. С. 124—131*.

¹³ *Ивакин Г. Ю. Киев в XIII—XV вв. Киев, 1982. С. 23—24; Беляева С. А. Южнорусские земли во второй половине XIII—XIV вв. Киев, 1982. С. 39*.

¹⁴ *Толочко П. П. Древний Киев. Киев, 1983. С. 70*.

¹⁵ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. М., 2000. Стб. 368. Л. 318.

святителем»¹⁶. В пространной версии Жития митрополита Петра позднее подчеркивалось, что самовластные действия игумена Геронтия быстро стали известны «по всей земли Роусьской, даже и до Волыни», где на него «мнози негодовахоу»¹⁷.

Начиная с середины XIII в., приезд в Северо-Восточную Русь вместе с митрополитом служивших ему людей стало распространенным явлением. Очевидно, что эту практику заложил еще митрополит Кирилл II. Так, например, известно, что 23 XI 1263 г. на отпевании и похоронах во Владимире в Успенском кафедральном соборе великого князя Александра Ярославича Храброго (Невского) вместе с митрополитом Кириллом II находился его «иконом» Севастиан¹⁸. В Константинополе духовное лицо в должности «великий эконоом» входило в пятерку наиболее важных сановников при патриаршем дворе. Он «заведовал всеми доходами патриаршими и епархиальными, давал отчет во всем управлении патриарху»¹⁹.

Социальный статус упоминаемых в Житии митрополита Петра сановников не совсем ясен. В древнерусских источниках (в том числе и в переводной литературе) под этим термином чаще всего фигурируют знатные светские, а реже — духовные лица²⁰. В любом случае обе группы сановников при этом должны были обладать высоким служебным статусом и материальным достатком (таким например, как патриаршие протодияконы)²¹.

Исходя из сведений Жития митрополита Петра, есть основания полагать, что состав светских служилых людей вокруг его предшественника (митрополита Максима) должен был сложиться, по крайней мере, в конце XIII — начале XIV в. Причиной его появления в Северо-Восточной Руси стало изменение церковно-политической ситуации в Среднем Поднепровье. Из-за этого в начале весны 1299 г. митрополит всея Руси был вынужден его покинуть.

¹⁶ Цит. по изданию в кн.: *Клосс Б. М.* Избр. труды. М., 2001. Т. 2. С. 28. Л. 454 об.

¹⁷ ОР РГБ. Ф. 310. № 1296 [Список 3-й четв. XV в.]. Л. 125.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 24. С. 99. Л. 140 об.; Т. 25. М., 2004. С. 145. Л. 182 об.

¹⁹ *Кантрев Н. Ф.* Светские архиерейские чиновники в древней Руси. С. 3.

²⁰ В сановниках умершего митрополита Максима можно увидеть именно служилых людей, а не представителей клироса — объединения белого духовенства при соборных храмах, поскольку они имели и исполняли более узкие служебные функции. О функциях клироса русских соборов, возникших на основе византийских церковных традиций, подробнее см.: *Булгакова В. И.* Печать клироса Новгородской Софии и проблема отношений между светскими и церковными властями в Северо-Западной Руси // ВИД. 2005. Вып. 29. С. 367—372. Однако в данном случае делать однозначный вывод совершенно нельзя, ибо в первой половине XIV в. исполнение посольской службы характерно как для светских, так и духовных слуг митрополита всея Руси.

²¹ *Словарь русского языка XI—XVII вв.* М., 1996. Вып. 23. С. 59—60.

К переходу военно-служилой знати на службу к митрополитам Киевским и всея Руси подталкивало несколько причин: это и перспектива более высокого финансового обеспечения за службу, и отсутствие сильной княжеской власти в Среднем Поднепровье на фоне возрастающего авторитета фигуры митрополита. При этом не стоит, конечно, недооценивать и религиозно-нравственные мотивы в поведении знатных лиц. Быть на службе у митрополита означало для них обрести духовное спасение в годы тяжелого ордынского ига; а эта проблема остро стояла перед представителями правящей элиты страны и ее военно-служилой знати в XIII—XV вв. Вотчинники Северо-Восточной Руси, пожелавшие перейти на службу к митрополиту, этим шагом в какой-то степени могли обезопасить себя, своих людей и владения от участия в частых княжеских междоусобных конфликтах за обладание Владимирским великим княжеством. Благодаря этим и ряду других факторов, как показывают источники, в XIV в. митрополичьи бояре заняли «видное положение среди московской знати»²². Вместе с ними в XIV в. большой авторитет и доверие на Руси приобретают владельцы Московского великого княжества — прямые потомки Александра Ярославича Храброго (Невского)²³.

§ 4.1. СЛУЖИЛЫЙ ДВОР ПРИ МИТРОПОЛИТЕ ФЕОГНОСТЕ.

Историю формирования служилого двора митрополитов в Северо-Восточной Руси и соседних с ней землях можно реконструировать только на основе комплексного анализа сведений сразу нескольких видов письменных памятников (прежде всего, летописей, актов, житий, повестей и синодиков). При этом можно установить, что в источниках поименно митрополичьи слуги впервые начинают постоянно упоминаться при Феогносте, а в ретроспекции, возможно, начиная с архиерейства святителя Петра. Так, например, зимой 1331 г. Феогност «из Вельньской земли» прислал в Новгород, очевидно, своих бояр, Федора и Семена. Эти «послове» должны были «позывать на ставление» к нему местного кандидата в архиепископы — Василия (Григория) Калику. Об этом событии известно благодаря новгородским летописцам²⁴.

Среди служивших митрополитам лиц важную роль играли и представители белого духовенства. Им также поручались ответственные миссии. Так, вслед выехавшему 1 IX 1331 г. из Волыни новгородскому владыке, митрополит Феогност «посла слугу своего... съ грамотою к нему и

²² Тихомиров М. Н. Средневековая Москва в XIV—XV вв. С. 185—186.

²³ Подробнее об этом, например, см.: Ключевский В. О. Соч. М., 1988. Т. 2. С. 23—24.

²⁴ ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 99. Л. 166 об. — 167, под 6838 г., С. 343. Л. 201 об., под 6839 г. (на Страстной неделе перед Пасхой). О хронологии событий подробнее см.: Богданов С. В. К вопросу об истории появления Синодального списка Новгородской Первой летописи // ННЗ. 2004. Вып. 18. С. 108—113, 119—130.

къ бояромъ: «Отпустил князь на вас 300 литвы, велель изымати». Новгородцы «убежали и приеха» под Чернигов. Согласно СІЛ старшего извода, сюда «пригнася князь Феодоръ киевський с баскаки въ 50 человекъ розбоемъ, ...мало кровопролития не учинишася промежи ими, нолни наши с себе окупъ даваша, а Ратислава протодьякона митрополича, имя в Киевъ повели, а через целование»²⁵. Маловероятно, что указанные выше лица были тесно связаны своей деятельностью исключительно с Северо-Восточной Русью.

Впрочем, спустя чуть более 20 лет из Москвы в Константинополь было отправлено большое посольство. Великокняжескую сторону в нем представляли бояре Дементий Давыдович и Юрий Воробьев, а митрополичью — Артемий Коробьин и «Михаило Гречинь Щербатои». Послы должны были добиться у патриарха утверждения в преемники Феогноста своего кандидата — митрополичьего наместника и одновременно владимирского епископа Алексея († 12 II 1378)²⁶, в миру — Олферий, старший сын московского боярина Федора Бяконта²⁷.

Итак, в 1353 г. в русских летописях впервые были прямо названы митрополичьи бояре, хотя косвенно они фигурируют в источниках еще в первой трети XIV в. Это известие Рогожского летописца 40-х гг. XV в. опровергает традиционное мнение, будто бы впервые митрополичьи бояре упоминаются лишь в 1379 г.²⁸, или в начале 90-х гг. XIV в., в правление митрополита Киприана²⁹, или даже лишь с XV в.³⁰

До этого события, но все в том же 1353 г., как отмечают летописи, «пресвященнии Фегнасть митрополить постави наместника своего въ епископы Алексиа владыку въ Володимерь, а по своемъ животе благословиль его в свое место на митрополию». Данный факт должен был добавить весомости и авторитета участникам московского посольства. Ситуация была весьма непростой. Против планов Москвы действовал союз Литвы и Твери. Еще зимой 1352—1353 гг. ходил «изъ Литвы въ Царьградъ Романъ чернець, сынъ боярина Тферьскаго, и ста на митрополию въ

²⁵ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 405—406. Л. 348 об.; см. также: Там же. Т. 4. Ч. 1. М., 2000. С. 264. Л. 173 об. — 174.

²⁶ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. М., 2000. Стб. 61—62. Л. 281 об. — 282.

²⁷ Кучкин В. А. Из литературного наследия Пахомия Сербя // Источники и историография славянского средневековья. М., 1967. С. 246. Л. 120—120 об. [ГИМ. Синод. № 948, список 70-х гг. XV в.]; РИИР. 1977. Вып. 2. С. 123. Л. 76; и др.

²⁸ Ксанф М. [Е.] Органы епархиального управления в Древней Руси // Православное обозрение. 1874. № 8. С. 167.

²⁹ Маштафаров А. В., Флоря Б. Н. Бояре (митрополичьи, патриаршии) // ПЭ. 2003. Т. 6. С. 131.

³⁰ Щапов Я. Н. Формирование церковной юрисдикции и проблема правового положения изгоев в Древней Руси // ИВ. 2002. № 1 (16). С. 92.

Тернове», но «не приаша его Киане»³¹. Конечно, пока был жив Феогност, великий князь Семен Гордый мог не волноваться за его престол. Однако смерть митрополита могла на какое-то время перечеркнуть все первые удачные начинания московской стороны.

Состав отправленного за море посольства заслуживает внимательного анализа. Помимо русских в него входил один «Гречинь». Очевидно, этот факт характеризует ситуацию, когда штат слуг митрополита находился еще на стадии формирования, по-видимому, не имел длительной служебной традиции, а потому еще не был постоянен. Любой из владык пока мог свободно вызывать к себе доверенных лиц из Константинополя и включать их в состав своего ближнего окружения. Через столетие это станет практически невозможно. Каждого кандидата в бояре митрополиту придется согласовывать уже с великим князем владимирским и московским.

§ 4.2. СЛУЖИЛЫЙ ДВОР МИТРОПОЛИТОВ АЛЕКСЕЯ И МИХАИЛА (МИТЯЯ). В 1354 г. московское посольство в полном составе вернулось на Русь. Епископу Алексею «принесоша изъ Царяграда грамоты цареви и грамоты патриарши». Ему сообщалось о необходимости поездки за море, чтобы «приати поставление отъ тоя самая единая съборная апостольския церкве отъ святаго патриарха вселенскаго собора». Однако борьба с Романом († 1362) отняла у Алексея еще несколько лет. Москвичам потребовались крупные финансовые расходы на взятки византийским вельможам, а также повторная поездка Алексея за море³². К сожалению, в этом случае летописцы оказались скупы на подробности. Поэтому остается неизвестным, кто сопровождал митрополита в его путешествиях в Константинополь. Известно лишь, что в 1357 г. «приде Алексй митрополить изъ Царягорода на Русьскоую землю, а Романъ на Литовьскую и на Волянъскоу»³³.

Сохранились сведения и о сопернике митрополита Алексея — Романе. Его пребывание в Константинополе привлекло внимание известного византийского интеллектуала Никифора Григоры. В своей «Истории» он приводит уникальные биографические сведения о Романе, дополняя таким образом данные Рогожского летописца. Никифор Григора отмечал, что Роман «был ученым иеромонахом, что ему было около пятидесяти пяти лет, когда он прибыл в Константинополь, и что он родственник князя Всеволода Александровича Тверского, который, в свою очередь, был род-

³¹ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 61—62. Л. 281 об. — 282.

³² Тихомиров Н. Д. Галицкая митрополия. СПб., 1895. С. 26; и др.

³³ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 63—65. Л. 282 об. — 284 об.

ственником по браку Ольгерда»³⁴. У Романа были определенные шансы на занятие вакантной митрополии в Киеве³⁵. Ведь ему первоначально содействовал патриарх Каллист I (1350—1353, 1355—1364). Тем не менее ни в Киеве, ни даже в родной Твери митрополит Роман не имел серьезной поддержки населения и духовенства, если рядом с войсками не находился литовский великий князь Ольгерд³⁶.

Благодаря сведениям Никифора Григоры, выясняется, что по происхождению и наличию семейных связей Роман был не менее влиятельной фигурой, чем московский кандидат на Киевскую митрополию Алексей. Очевидно, поэтому одержать полную победу ни одному из претендентов в 1354 г. не удалось. Согласно компромиссному решению Константинополя, принятому под давлением великого князя Ольгерда, Роман (1355—1362) сделался владыкой воссозданной Литовской митрополии с центром в Малом Новгороде на р. Неман (совр. Новогрудок). Впрочем, он недолго противодействовал политическим интересам Москвы³⁷. Правда, «в 1361 г. состоялось соборное определение патриарха Каллиста о пределах Киевской и Литовской митрополий, по которому Туровская епископия отошла к кафедре в Новгороде». Однако вскоре «после смерти Романа (1362), еще при патриархе Каллисте (до октября 1364 г.) Литовская митрополия вновь была закрыта, а ее епархия присоединена к Киевской»³⁸. Тем не менее борьба с Романом за Киевскую митрополию сильно испортила отношения митрополита Алексея с правителем Великого княжества Литовского (*далее* — ВКЛ). Правда, при этом некоторые исследователи ограничивают самостоятельность решений Ольгерда в вопросах церковной политики на Руси. Без особенных оснований они предполагают, что он всего лишь действовал в русле ордынской дипломатии³⁹. В любом случае, позднее доверительные контакты между митрополитом

³⁴ Шевченко И. И. Некоторые замечания о политике константинопольского патриархата по отношению к Восточной Европе в XIV в. // Славяне и их соседи. М., 1996. Вып. 6. С. 133—139.

³⁵ Krzyżaniakowa J., Ochmański J. Władysław II Jagiełło. Wrocław, etc, 1990. S. 35.

³⁶ Подробнее об этом см.: ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 63. Л. 283, Стб. 67. Л. 285 об., Стб. 67—68. Л. 286, Стб. 69—70. Л. 287—287 об.; Клибанов А. И. Реформационное движение в России в XIV — первой половине XVI вв. М., 1960. С. 140.

³⁷ Подробнее об этом см.: РИБ. Т. 6. Ч. 1. СПб., 1908. [Приложения]. № 13. Стб. 70—87; ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 73. Л. 290. Историографию этого вопроса см.: Попов Г. В., Рындина А. В. Живопись и прикладное искусство Твери XIV—XVI вв. М., 1979. С. 29. Примеч. 70.

³⁸ Щапов Я. Н. Туровские уставы XIV в. о десятинах // АЕ за 1964 г. 1965. С. 255.

³⁹ Например, см.: Греков И. Б. Куликовская битва — важная веха в политической жизни Восточной Европы второй половины XIV в. // СС. 1980. № 5. С. 13—14, 15.

Алексеем и литовским великим князем Ольгердом так и не были восстановлены⁴⁰.

Анализ сведений письменных источников показывает, что в правление митрополита Алексея происходит окончательное формирование его служилого двора, растет число бояр и слуг, выполняющих обширный круг поручений. «Люди митрополичичи», что «жить в городе» по статусу были приравнены к дворянам великого князя, который обязывал, «коли яз самъ, князь великий, сяду на конь, тогда и митрополичимъ бояром и слугамъ, а под митрополичимъ воеводою, а под стягом моимъ, великаго князя» должны были идти на войну. Позднее, при Киприане, в 1392 г.⁴¹ оговаривалось, что «кто будет боярь или слугъ не служивал Алексею митрополиту, а приказался ново митрополиту, а те поидуть под моимъ воеводою, великаго князя, где который живет, инъ под темъ воеводою и есть». Теперь Василий I Дмитриевич настаивал, чтобы «слугъ моих, князя великаго, и моих даных людеи и въ диаконы и въ попы митрополиту не ставити» (исключение было сделано только для поповичей). При этом правда социальный статус митрополичьих бояр и слуг приравнивался к боярам и слугам князей Северо-Восточной Руси⁴².

Произошедшая при митрополите Киприане реформа в вопросе несения службы — несомненное свидетельство возрастания роли великокняжеской власти и ее прямого влияния на Церковь, светские слуги которой в ряде случаев оказывались исключительно в подчинении правителя Москвы. Это право великого князя гарантировал как его договор с Киприаном, так и составленная 12 IX 1405 г. митрополичья духовная грамота. В ней архиерей не только благословлял своих бояр и слуг, но и просил печаловаться за них великого князя⁴³. Таким образом, состоявшаяся реформа с одной стороны усиливала военную мощь Калитовичей, а с другой — самой Церкви. Ее владения и слуги оказывались под покровительством великого князя владимирского и московского — самого сильного правителя в Северо-Восточной Руси.

Со второй половины XIV в. в источниках чаще фиксируются имена митрополичьих бояр и слуг. Так, например, из текста патриаршего послания, написанного в июне 1370 г., выясняется, что оно было написано

⁴⁰ Прохоров Г. М. Повесть о Митяе. Л., 1978. С. 18, 26, 42—43, 47.

⁴¹ Обоснование датировки данной уставной грамоты 28 VI 1392, а не 1404 г. подробнее см.: Кашистанов С. М. К предьстории идеи «Москва — третий Рим» // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 262—273; Он же. Исследования по истории княжеских канцелярий средневековой Руси. М., 2014. С. 303—315.

⁴² Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976. С. 176—179.

⁴³ АЮБДР. 1857. Т. 1. № 83. Стб. 544—547 [Список XVII в.].